

Погодин выражается поэтически. Мы признаем в его словах риторические красоты, но истины в них еще не видим: даже мы не соглашаемся с ним в некоторых из его поэтических выражений. Он при всяком удобном случае восклицает: несчастный Алексей! Такие эпитеты в исторических описаниях предоставляются уже самому читателю. Если он соглашается с мнением автора, то он сам невольно выговорит — несчастный Алексей! Если же читатель думает иначе, то весьма справедливо укорить автора в желании быть проводником своих мнений. Мы приведем следующие слова Погодина, чтобы показать, что тут слово «несчастный» вовсе неуместно: начались сборы в возвратный путь из Неаполя. Царевич ездил с Толстым в Бари помолиться, несчастный, мощам чудотворца Николая» (стр. 103). Вот это правда, что некстати, так уж некстати; верно замечание; ай да г. Задлер, сразу подметил, что «несчастный» стоит не у места, а еще иностранец.

Написавши в таком роде свой опыт оправдания Петра и перечитавши его от начала до конца, он и сам увидел, что оно вовсе не оправдание, а так чорт-знает что такое, по крайней мере, вовсе не то, чего бы ему хотелось, и что он думал сделать; откровенное сознание в этом невольно прорвалось в конце его книги. «Мы надеемся, что встретим снисхождение в наших читателях к тому, что защищая великого человека, к которому наша любовь и участие постепенно возрастала, мы отступили от обещанной нами вначале скромности, увлекшись своим предметом, под конец говорили с возрастающим гневом. Мы действительно были намерены возражать знаменитому писателю с полным спокойствием духа (со смыслом), а на деле вышло иначе» (стр. 106). «Отчего бы это? думал г. Задлер, и решил, что это произошло от того, что он не туземный, а иностранный историк и в утешение себе сослался на слова Вольтера, который говорил, что описание учреждений законов, войн и предприятий Петра есть обязанность туземных историков. Ошибаетесь, г. Задлер, уверяем вас; иностранный историк может написать отличную историю Петра, даже лучшую, чем туземцы; ваше оправдание вышло из рук вон плохо не оттого, что вы не туземный историк, а от другой более важной причины, которой мы вам не скажем; догадайтесь сами.

II. НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ О ПОКОРЕНИИ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАРОДОВ ПОЛУДИКИМИ

Публикация Н. Алексеева

В конце октября 1883 г. Н. Г. Чернышевский был привезен жандармами из Вилюйска, Якутской области, где он находился в заточении более одиннадцати лет, в Астрахань на постоянное жительство под надзором полиции. Выступать в печати под своим именем ему было воспрещено, и для снискания пропитания пришлось заняться черной работой переводчика. В марте 1885 г. Чернышевский начал переводить для московского издательства К. Т. Солдатенкова многотомную «Всеобщую историю» немецкого историка Георга Вебера. При этом, как видно из его письма к А. В. Захарьину, который достал ему эту работу, он «хотел не просто переводить все целиком, а сокращать, переделывать и пополнять» (письмо от 10 ноября 1885 г.). Более того: под видом перевода Чернышевский предполагал дать самостоятельный научный труд. «Я не имею права выставлять на моих книгах мою фамилию. Имя Вебера должно было служить только прикрытием для трактата о всеобщей истории, истинным автором которой был бы я», — писал он 8 декабря 1888 г. Солдатенкову. Когда этот проект оказался неосуществимым, Чернышевский решил ограничиться присоединением к переводу труда Вебера своих статей, представляющих «черк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории». Но и

для этого нужно было выждать время, и только к VII тому Вебера Чернышевскому удалось присоединить первую из этих статей—«о расах». Для следующих томов (VIII—XI) и для второго издания I тома он написал статьи под заголовками: «О классификации людей по языку», «О различиях между народами по национальному характеру», «Общий характер элементов, производящих прогресс», «Климаты. Астрономический закон распределения солнечной теплоты», «Очерк научных понятий о возникновении человеческой жизни и о ходе развития человечества в доисторические времена». Все эти статьи перепечатаны в X томе «Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского» (изд. 1906 г.). Смерть прервала эту работу. Печатаемая ниже статья, сохранившаяся среди бумаг Н. Г. Чернышевского, находящихся в Саратове в Доме-музее его имени, повидимому, предназначалась для включения в эту серию. К сожалению, не сохранилось ни начала, ни конца ее, и в уцелевшем тексте имеются пробелы (которые мы обозначаем многоточиями). Неизвестно и заглавие, которое дал или хотел дать ей автор. Речь идет о мнимой благотворности покорения цивилизованных народов полудикими завоевателями, будто бы вносящими в мировую историю новые начала. Тема эта давно занимала Чернышевского. Ей посвящено одно из его примечаний к переводу «Оснований политической экономии» Милля (см. «Полн. собр. соч.», т. VII, стр. 19) в «Современнике» 1860 г., ей же посвящена его статья «О причинах падения Рима» в «Современнике» 1861 г. (см. «Полн. собр. соч.», т. VIII, стр. 157—177), направленная по существу против Герцена.

[О ПОКОРЕНИИ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАРОДОВ ПОЛУДИКИМИ]

...В более широком размере такой же факт повторился при покорении половины Азии и половины Европы монголами. Они были дикари по сравнению с каждым из больших народов, покоряемых ими; не только сельджуки, но и волжские болгары были людьми более высокой цивилизации, чем те монгольские племена, на преданности которых держалась власть Чингисхана, его сыновей и внуков над массой их войск. Эти племена, взятые все вместе, были, без сомнения, малочисленней тюрков, персиян, русских, покоренных ими, и во много раз малочисленнее китайцев. В те 1700 лет, которыми отделены персидские завоевания от монгольских, произошли в западной Азии, южной Европе и северной Африке три ряда событий такого же характера. Германцы покорили западную половину римской империи; арабы — персидское государство, большую часть азиатских владений восточной римской империи, северную Африку, Испанию; тюркские племена покорили все области багдадского халифата и часть владений, остававшихся у византийской империи в Азии. Факты такого же рода, хотя менее громадные, но все таки очень крупные, трудно и пересчитать, так их много в 2000 лет, прошедшие между завоеваниями персов и покорением Балканского полуострова турками. Некоторые из этих завоеваний варварами представляются изумительными: какая-то орда, которую другие орды гнали из одной страны в другую откуда-то из глубины восточной Азии до степей на севере Черного моря, начинает делать завоевания в восточной Европе, проходит в Венгрию, покоряет Германию, опустошает половину Галлии, половину Италии. Повелитель этой орды, Атилла, умирает, и гуннов снова гонят из Европы, персияне истребляют их. Другая орда, загнанная из Азии в Венгрию, аварская, долго опустошает все земли на несколько сот верст кругом Венгрии; она исчезает, на смену ей появляется новая орда, венгерская, и ходит опустошать не только Германию и Италию, но даже земли за Реной. Еще страннее то, что разбойничьи шайки из скандинавских земель, имевших очень малочисленное население, оказываются достаточно сильными для того, чтоб опустошать северную Германию, почти всю Францию, завоевать Англию, часть Франции,

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.
Фотография 1882 г.
Дом-музей Н. Г. Чернышевского, Саратов

Эти и бесчисленные менее крупные факты такого же рода произвели теорию о молодых народах и народах одряхлевших, о свежести сил, дивной энергии, высоких нравственных качествах молодых народов, об изнеженности, бессилии, нравственной испорченности одряхлевших народов. Предполагается, что цивилизованные народы, мучимые, покоряемые полудикими народами, были трусливы, развратны, а дикари, грабившие и покорявшие их, были людьми дивного мужества и душевного благородства. Чтобы составить такую теорию, надобно было забывать, что такое военное ремесло, войско, сражение, завоевание.

В каком-нибудь народе возникло разделение профессий: одни люди пахут землю, другие шьют сапоги, третьи строят дома. Объявляется конкурс: те люди, которые представят хорошо сшитые сапоги, получают награды. Срок конкурса через неделю. Какие люди получают награды? Ровно ни до каких умственных и нравственных достоинств тут нет дела; награды даны исключительно за умение шить сапоги. А может быть, землепашцы и каменщики желали получить награды, шили сапоги в этот месяц, представили свои сапожные изделия на конкурс! Если да, то изделия их оказались плохи; они были со стыдом прогнаны с конкурса. Почему же так? Не были ли они менее усердны к работе, чем сапожники. Это неизвестно, и вопрос об этом не относится к делу. Срок был недостаточный для того, чтобы человек, не занимавшийся шитьем сапогов до объявления конкурса, мог научиться хорошо шить сапоги, хотя бы трудился над этим по 18 часов в сутки.

Сражение — конкурс. Срок — не неделя, а лишь несколько часов при нынешнем оружии дальнего боя, а прежде, при решении сражений рукопашным боем — лишь несколько минут. Важность не в том, умеет ли новобранец стрелять или фехтовать, — этому можно выучиться, не видев неприятеля, а в том, сохранит ли человек твердость души, когда встретится с врагом, будет ли стоять, идти вперед, действовать оружием, как умеет, или дрогнет, растеряется и побежит. Быть твердым в бою — этому нельзя научиться иначе, как практикой действительного боя. Как происходили сражения в Европе до недавних усовершенствований артиллерии и ручного огнестрельного оружия? С того места, где построилось в боевой порядок нападающее войско, оно безостановочно шло в рукопашный бой. Так это и теперь в сражениях между войсками, не имеющими нарезных пушек и нарезных ружей. — Возвратимся же к нашествию полудикого народа на цивилизованную страну.

Войско полудикого народа, состоящее из опытных воинов, идет в бой с войском, массу которого составляют люди, не бывавшие в сражениях. Стремительной атакой люди, которые всю жизнь провели в вооруженных драках, бросаются на людей, ни разу до той минуты не бывавших в бою. Кто из этих людей не научился в первые пять минут боя сражаться не хуже опытного воина, тот уже убит или опрокинут; в два, три часа этому испытанию, дящемуся для каждой части войска новобранцев лишь по пяти минут, подверглись уж все части их войска; сражение началось рано утром, и ко времени полудня поле уж на десять верст кругом покрыто телами опрокинутых, обратившихся в бегство, достигнутых победителями.

Спросим у любого специалиста по военному делу, может ли войско, состоящее из людей, ни разу не бывавших в сражениях, выдержать в открытом поле бой с войском вдвое менее многочисленным, но состоящим из опытных воинов; он скажет: как бы ни был от природы храбр народ, из которого взяты ополченцы, не бывавшие в бою, они будут опрокинуты, обращены в бегство войском опытных воинов не в два, а в пять раз менее многочисленным; он выразится даже так: «Каково бы ни было число людей, не умеющих сражаться, войско, состоящее из 10 000 опытных воинов, опрокинет

эту толпу, хотя бы каждый отдельный человек в ней был от природы очень храбр, и будет гнать рассеявшихся беглецов на такое расстояние, на какое хватит силы в ногах у его пехотинцев и у лошадей его конницы гнаться за беглецами, и убьет из них такое число, какое могут убить воины его до совершенного утомления рук взмахами оружия».

Подле многолюдного селения в лесу появляется шайка разбойников. В селении несколько сот взрослых мужчин; шайка состоит из 10 разбойников. Сколько времени может [она] безнаказанно злодействовать, если в селении нет людей, привычных сражаться? В народных сказках разбойники — дивные храбрецы. Теперь по точным отчетам о процессах мы знаем, что большинство разбойников составляют люди менее твердого характера, чем большинство людей того народа, из которого вышли они. Но они стали людьми привычными к вооруженным схваткам и грабят селения, в которых нет людей, привычных [сражаться]. Кому теперь неизвестно, как идут теперь дела разбоя в большом размере. Кочевое племя идет грабить соседнюю цивилизованную область. Из людей этой области сформирован и обучен военному делу один батальон; грабителей было в два, в три раза больше. Когда батальон пришел, он гонит и истребляет их, а пока его не было, они грабили и резали население области, в котором считалось несколько десятков тысяч взрослых мужчин.

Общий ход истории полудиких завоевателей и цивилизованных народов, покоряемых ими, таков:

Полудикие племена дерутся между собою и временами делают мелкие набеги на соседей; по какому-нибудь случаю они соединяются в одно войско. Обстоятельства этого соединения обыкновенно слагаются так: одно из дравшихся между собою племен одержит сряду две, три победы, подчинит себе два, три племени; оно водит их с собой в следующие драки с другими разрозненными племенами; покоренные племена усердно служат вождю его, потому что теперь победа уж верна, по сравнительной многочисленности воинов, повинующихся главнокомандующему и часть добычи достается... Сообразим, сколько могло быть в нем воинов по ремеслу. Из нескольких миллионов семейств едва ли принадлежали к военному сословию (!); но большинство из них принадлежали к нему только по политическим правам, а военным делом не занимались: их взрослые мужчины торговали, были сборщиками податей, судьями, людьми ученых профессий: преподавателями, священниками, врачами; сыновья этих взрослых мужчин приготавливались к тем же занятиям. Эти сыновья считались воинами только в смысле. . . . пользующихся льготами, имеющих право на почетные должности. Из . . . На государство идут полудикие соседи; у этих соседей каждый мужчина воин. Если весь народ, соединившийся под властью будущего завоевателя, состоял из 50 000 семейств, войско, которое [он ведет], состоит из 70 или 80 тысяч воинов. В государстве, на которое нападает он, живет миллион семейств; но в нем только 20, много 30 тысяч семейств действительно военных... которых может выставить оно против нападающих дикарей.... Разумеется, правительство сделает призыв... всеобщего ополчения, и в стан защитников родины соберется столько людей, сколько могут прокормить окрестные местности. Если позиция, в которой защитники родины хотят встретить врага, находится близ большого города... большие запасы продовольствия или у реки, по которой можно подвозить большие... Но в этом стане царь и его... пожалуй, полмиллиона людей. Но если он опытный воин и человек умный, он не захочет иметь такой состав, в котором большинство составляют люди, не знающие военного ремесла. У него мы предположим 40 000 воинов по ремеслу; он не захочет иметь 80 000 ополченцев, которые будут только поедать съестные припасы, замедлят движение, спугают маневры опытных отрядов его перед началом боя, побегут от первого натиска врагов, сомнут и опрокинут хорошие части своего войска. Каждый хороший

специалист скажет: самое лучшее, что могло бы сделать правительство цивилизованного государства, это — оставить милицию в крепостях, не брать ни одного человека из нее в поход, идти против дикарей только с воинами по ремеслу. Но у немногих государей и военных советников их достанет твердости характера поступить таким образом наперекор предубеждению, что сила войска растет с числом его, какова бы ни была подготовленность новобранцев к бою.

— Таким образом племя дикарей в 10, 15 или 20 раз менее многочисленное, чем цивилизованный народ, пойдет ограбить и покорить его страну, имея больше воинов, чем сколько людей, умеющих сражаться, может ([тот] выставить. Чем больше людей, не умеющих сражаться, прибавится к защитникам родины, тем меньше будет им шансов одержать победу. Но пусть они отразили нашествие. Что из того! Дикари вернулись в свои степи или горы; через 15 или 20 лет подросли сыновья взамен убитых отцов, и дикари возобновляют нашествие в прежних силах. Сколько раз ни будут они отбиты, все равно эта история длится до одной из двух развязок: или дикари принимают, наконец, привычки оседлой и мирной жизни, или при каком-нибудь из нашествий им удастся одержать победу в решительном сражении. Цивилизация проникает в степи и горы очень медленно, и при этом очень часто бывает, что соседняя с цивилизованной землей часть дикарей, начав цивилизоваться, погибает от нападений других своих соплеменников, для которых ее имущество стало казаться громадным богатством: дикие племена соединяются, чтоб ограбить этих богачей, истребляют, прогоняют их или держат под своим владычеством, под которым они быстро возвратятся к прежней грубости. А если некоторое-нибудь из многих нашествий дикарей начнется победой в большом сражении, судьба цивилизованного государства уже решена этим: оно осталось без воинов, умеющих сражаться; к победителям присоединяются волонтеры из других диких племен, потому что грабеж богатой страны уж начался. — Но люди, не умеющие сражаться, могут выучиться! Да, если имеют время. Сколько времени нужно на то, чтобы сформировать хорошее войско в стране, не имеющей его! Специалисты говорят, что на это нужны годы. Дадут ли дикари эту отсрочку! Они овладевают большими пространствами быстро, один поход достаточен для них, чтобы занять государство, имеющее сотни верст в длину и ширину. А когда страна занята неприятелем, население, не умеющее сражаться, будет ли иметь возможность формировать войско! Военные силы завоевателя быстро увеличиваются: кроме волонтеров из других диких племен, в его службу идут промотавшиеся или ленивые, но смелые люди из побежденного народа. Когда же, в какой стране не бывало людей, забывающих всякие нравственные обязанности из-за расчета пировать! Они не умели сражаться, но поступают в ряды опытных воинов и через два-три похода сами станут опытными. Таким образом, завоевать второе государство будет для дикарей гораздо легче, чем первое. Таким-то образом и растет быстро могущество какого-нибудь Кира, Аттилы, Чингисхана или одного из множества подобных им завоевателей менее знаменитых. К чему тут говорить о каких-нибудь нравственных достоинствах или недостатках цивилизованных народов! Подобные рассуждения так же неуместны и нелепы, как были бы порицания столярам за неумение шить сапоги. Быть может, столяры — очень дурные люди, но проиграли они на конкурсе вовсе не потому, что были дурные люди, а исключительно потому, что шитье сапогов не было их ремеслом, и не имели они времени научиться этому искусству.

По какой-то непростительной забывчивости историки вообще не догадываются превозносить добродетели гуннов и аваров; следовало бы: чем хуже других опустошителей цивилизованных земель были они! Такие же

пьяницы, обжоры, развратники, бессовестные обманщики. Но — такова несправедливость судьбы! Персы Кира своею бессовестностью доказали свое умственное превосходство над народами, которых обманывали, своими скотскими пороками — избыток свежих сил, своими свирепостями — твердость характера, последовательность в поступках, и за эти прекрасные качества удостоиваются заслуженных похвал. А у гуннов и аваров бессовестность остается, по оценке историков, только бессовестностью, пьянство и обжорство остаются грубыми пороками, свирепость называется просто зверством. Обидно за добродетельных гуннов и аваров. Некоторой отрадой служит лишь то, что, по общему отзыву историков, Аттила был мудрый правитель, Чингисхан и Тимур-Ленг признаны тоже заслуживающими похвалы за кровавительство всему благородному и прекрасному. К несчастью, потомки Чингисхана и Тимур-Ленга были не совсем похожи на этих образцовых государей. Они и народ их испортились, потому и прекрасно благоустроенные государства, полученные ими от доблестных предков, рушились.

Посмотрим, в чем было дело. — Разбойничья орда покорила цивилизованную страну и поселилась в ней. Страна опустошена и ограблена. Значительная часть прежнего населения или большая половина его истреблена. Но все-таки уцелело много побежденных. Цивилизация их получила тяжелые удары, от которых не скоро оправилась бы и при самых благоприятных условиях, а под владычеством людей, подобных зверям, она едва ли будет оправляться, вероятно будет падать. Но покоренные все-таки остались хлебопашцами, искусными ремесленниками, уцелели и опытные администраторы, и ученые люди; когда победители убедились, что покорность побежденных прочна, они велели ремесленникам восстановить разрушенные дворцы или строить новые, изготовлять предметы той роскоши, какую умеют ценить дикари; стали пользоваться опытом администраторов, обращать в свою пользу знание ученых покоренного народа. Удобства жизни в хороших домах понравились им. Из зверей они стали понемногу делаться людьми; конечно, пьяными, развратными, злыми — от этих добродетелей, завещанных предками, нельзя скоро освободиться, — но все-таки людьми, хоть и очень дурными людьми. Предки-завоеватели резали людей, как баранов, без всякой злобы; сыновья и внуки стали убивать людей только по злобе, а когда не были раздражены, то не убивали тех, на кого не имели неудовольствия. Предкам было привычно голодать, спать в грязи или на холоде; сыновьям и внукам это стало казаться неудобно, потому предки рыскали, как волки, сыновья и внуки стали иметь расположение к оседлой жизни; хотя завоеватели и стали господами страны, но десятки тысяч семейств не могут же все быть богаты в стране, где прежде были миллионы семейств, а теперь осталось гораздо меньше, быть может, вдвое, втрое меньше. Награбленная добыча давно промотана большинством завоевателей; в стране восстановилась администрация, не позволяющая, чтобы каждый грабил, кого хочет из безоружных покоренных: если частные люди будут грабить их, правительство не соберет с них много податей; интересы казны воспрещают свободу частного грабежа. Как же быть большинству завоевателей? Их предки в своих степях или горах кормились охотой и скотоводством. Здесь, в цивилизованной стране, охота не дает много пищи; земля принадлежит правительству или богатым людям, или высшему сословию завоевателей, или оставлена во владении туземцев, которых теперь частный человек не может прогнать, потому что правительству нужно, чтоб они возделывали ее и отдавали ему часть сбора. Чем больше будет сбор, тем выгоднее правительству. Массе завоевателей, не имеющей готовых средств к жизни, нельзя жить грабежом, нельзя жить ни охотой, ни скотоводством. Как быть? Нужно приниматься за работу, чтоб кормиться. Это не привычно, это кажется тяжело, это считается унижительным, но голод берет верх и над привычкой

к лености, и над предрассудками. Потомки разбойников мало-по-малу становятся трудящимися людьми, а современем станут и честными людьми. Но доживут ли они до той поры, когда привычка к труду разовьет в них честность!—Государство их придет к тому состоянию, в каком находилось перед их завоеванием: большинство военного сословия отвыкнет от военного дела, масса населения остоится, как прежде, вовсе чужда этому ремеслу. Число опытных воинов будет невелико. А что делается между тем в степях и горах, или тех самых, из которых вышли завоеватели, или в других, соседних! Там продолжается прежнее: полудикие племена дерутся между собою, временами соединяются под начальством победоносного вождя и, как соединятся, идут грабить цивилизованных соседей. С государством, основанным полудикими завоевателями, более или менее цивилизовавшимися, теперь повторяется та же история, какой подверглась эта страна перед их успешным нашествием. Их малочисленные опытные воины отражают нашествие дикарей. Но при пятом или десятом нашествии обстоятельства сложатся так, что дикари, много раз побитые, одержат, наконец, победу, прежние завоеватели будут истреблены, прогнаны или поработаны новыми.

Таких фактов в истории человечества очень много; при каждом из них издавна сделана одна и та же патетическая надпись, восхваляющая новых победителей за их доблесть, позорящая побежденных, как людей изнежившихся, трусливых, развратных, подлых.

В чем состояла их изнеженность! Небольшая часть их, составлявшая высшее сословие, продолжала пировать, как пировали ее предки-дикари, каждый день, в который имели пищу и одуряющие напитки; огромное большинство бросило эти грубые пороки обжорства и пьянства, обратилось из тунядцев в трудящихся людей. Работа земледельца или ремесленника изнеживает ли человека? Огромное большинство победителей сделалось лучше своих предков во всех отношениях, кроме одного: оно перестало разбойничать. Это, разумеется, нравственная порча, потому что нет на свете людей такой высокой нравственности, как разбойники. По крайней мере, так утверждают народные сказки о разбойниках и большинство историков, легковерно, как дети, слушающих сказки.

Не будем же спорить: побежденные всегда пусть будут предметами поругания для нас, победителей будем прославлять, кто бы ни были они. Но ни народные сказки о разбойниках, ни раболопные панегирики летописцев, которые восхваляли завоевателей своей страны, поработителей своего народа за подачку от новых повелителей или по трепету перед ними, ничего не говорят ни о дряхлости народов, ни о свежести их. Не отваживаясь подвергать сомнению нравственные суждения таких авторитетных источников, как сказки о разбойниках и панегирики льстецов, всмотримся по крайней мере в те мысли, какими дополняют и украшают эту ложь ученые изобретатели оправданий опустошителям цивилизованных стран. Дикари, покорившие цивилизованную страну, были народ молодой, свежий. Цивилизованное население, половину которого они перерезали, а другую поработили, были народ одряхлевший; они имели умственные и нравственные силы, способные к высокому развитию; он истощил свои силы, был народом уже отжившим и возродился благодаря тому, что сожительство победителей с его женщинами обновило его силы примесью молодой крови.

Что такое молодой народ? Каждый человек, не умерший преждевременно, бывает сначала молодым, потом пожилым, а потом, если доживет до глубокой старости, то и дряхлым. Но это факты индивидуальной жизни. Каждое племя, пока существует, состоит из людей всякого возраста, от новорожденных младенцев до дряхлых стариков и старух. Сколько свежих сил было в нем за тысячу лет до данной эпохи, столько же остается и в эту эпоху, столько же останется и через тысячу лет, если оно не будет пере-

резано врагами; и дряхлости нет теперь и никогда не будет в нем больше того, сколько было при первом упоминании о нем в летописях.

«Но это значит неправильно толковать исторические понятия о молодости и дряхлости народов». Само собою разумеется, что когда вы постараетесь раскрыть, какой смысл имеют слова, повторяемые человеком с чужого голоса без понимания их действительного смысла, то обыкновенно окажется, что он не предполагал в них того смысла, какой имеют они.

Но пусть слова «молодой» или «свежий» и «одряхлевший» или «отживший» народ будут признаны выбранными неудачно и отброшены; не останется ли тогда какой-нибудь доли правды в мысли, которая имеет вид нелепого вздора при употреблении этой метафорической терминологии, уподобляющей народ отдельному человеку, т. е. заменяющей лес одним деревом, луг — одной былинкой травы. Нет, не только терминология фальшива, но и мысль, неудачно облеченная в нее, совершенно ошибочна в своей сущности. Было между учеными мнение, будто бы дикари — люди несравненно более сильнее и здоровые, чем соплеменники этих ученых; они видели в своем народе множество людей болезненных, слабосильных, да и здоровых, сильных людей справедливо считали не сказочными атлетами. До них доходили слухи о дикарях громадного роста и страшной силы; они верили и делали вывод: цивилизованная жизнь уменьшает рост, ослабляет здоровье, отнимает физическую силу; образ жизни дикарей делает их людьми вполне здоровыми и необыкновенно сильными; это и оставалось так, пока путешественники, посещавшие страны дикарей, не возили с собой динамометров. Но как стали давать дикарям пробовать силу на динамометрах, оказалось: есть очень немногие племена дикарей, у которых взрослые мужчины имеют приблизительно такую же силу, как матросы кораблей, на которых ездят путешественники к дикарям, и как сами эти ученые; а в огромном большинстве диких племен взрослые здоровые мужчины имеют гораздо меньше силы, чем европейцы или северо-американцы. Когда увидели это по динамометрам, то вспомнили: у прежних путешественников уже говорилось, что редко можно встретить между дикарями такого сильного человека, которого бы не поборол матрос, не считающийся особенно сильным между своими товарищами; что, вообще говоря, матросы очень легко одолевают дикарей в борьбе и других играх, служащих испытанием силы. Прежде эти свидетельства старых путешественников были пропускаемы без внимания, потому что не представляли сказочного интереса, и кабинетный ученый, рассуждая о силе дикарей, помнил только сказочные анекдоты, понравившиеся ему в детстве, врезавшиеся в его память. То же самое оказалось и относительно знаменитого железного здоровья дикарей: пока врачи, находившиеся на кораблях экспедиций, посылаемых для географических исследований, не обращали внимания на дикарей, эти люди оставались не подвержены никаким болезням. А когда врачи всмотрелись в них, то оказалось, что вообще они — люди более болезненные, чем европейцы или северо-американцы. А когда было найдено все это, физиологи нашли, что иного и не должно было ожидать: бедняги не защищены ни от каких влияний, дурно действующих на здоровье, едят плохую пищу, обыкновенно имеют обычаи, вредные для здоровья, — как же им быть людьми крепкого здоровья и сильными! Образ жизни огромного большинства их таков, что не могут не быть они людьми болезненными или слабосильными.

Но эти правильные понятия излагались в книгах, которыми не пользовались историки при своих трудах, и потому в большинстве исторических трактатов благополучно держатся выводы из сказочных представлений о железном здоровье и удивительной силе дикарей, потому-то и продолжает в истории каждый полудикий народ быть молодым и свежим, а каждый цивилизованный народ — обреченным одряхлеть или уже одряхлевшим.

Полудикие народы, вообще говоря, менее болезненны и слабосильны, чем дикари, потому что их образ жизни менее вреден здоровью, и они меньше голодают. Но тоже, говоря вообще, они здоровее и мускульной силой далеко не равняются с большинством цивилизованных народов, потому что больше их бедствуют от непогоды и холода.

Опустошения цивилизованных земель варварами приносят человечеству и другую пользу, не менее важную, чем то, что примесью свежей крови обновляется жизнь одряхлевших цивилизованных народов: завоеваниями создаются обширные государства; под единством власти исчезают племенные различия, из мелких племен создается большая нация.

Так ли это? — В большей части случаев ничего подобного не бывает. Те силы, которыми сглаживаются племенные различия, принадлежат разряду иному, чем истребление людей и порабощение их. Пересмотрим важнейшие примеры довольно долгого существования обширных государств, основанных завоеванием.

До Кира мидяне и бактрийцы были племенами одной нации, говорили наречиями, очень мало различившимися одно от другого. Через двести лет, при падении персидского царства, мы видим, что эти племена по прежнему говорят одним языком; но распространился ли язык владычествовавшего народа за прежние свои пределы? В бассейне Тигра и Евфрата по прежнему владычествует семитический язык; нечего говорить о том, распространился ли персидский язык дальше на запад, когда он не мог перейти за Тигр.

Александр Македонский покоряет персидское царство, и все оно, за исключением Малой Азии, остается под властью Селевкидов. Через полтора столетия что мы находим в Сирии, которая, скоро по основании царства Селевкидов, стала той областью, на которую сильнее всего действовало влияние греческих владык бывшего персидского царства? Резиденция Селевкидов — Антиохия — греческий город; есть в Сирии некоторые другие греческие города. Но каким языком говорит все остальное население Сирии? — По прежнему семитическим. О других областях бывшего персидского царства нечего и говорить, эллинизировались ли они. Через несколько времени Малая Азия, Сирия становятся подвластны римлянам; проходит несколько столетий; правители этих земель, говорившие латинским языком, заменяются византийскими греками; находят ли греческие правители Малую Азию и Сирию латинизированными? Через несколько столетий владыками Сирии становятся турки; ныне на каком языке говорят сирийцы? На семитическом, как до турков, византийцев, римлян, прежних греков и персов.

«Но в Малой Азии было много греческих городов, и вероятно вся западная окраина ее и западная половина северной имела греческое население». Да, но как оно возникло там? Основывались маленькие города переселенцами, плывшими в каждую местность особым обществом. Возникавшие города были каждый особым маленьким государством; некоторые из них, благодаря развитию своей торговли, становились многолюдны, основывали новые колонии; один Милет основал несколько десятков городов; но и эти города не были соединены с Милетом никакой государственной связью. Каждый, с самого основания, был особым государством, независимым от Милета. Помешало ли это всем колониям Милета сохранять ионийское наречие! И произошло ли ионийское наречие в дорийские города Малой Азии, не бывшие под властью ни у какого из ионийских городов?

«Но греческие города на берегах Малой Азии были основаны силой оружия». — Разумеется, во многих случаях дело не обходилось без драк с туземцами. Только не должно преувеличивать важность их, а во многих других случаях дело было с самого начала полюбовным соглашением. Колонизация берегов Малой Азии имела преобладающим характером дружеские торговые сношения новых поселенцев с мелкими соседними племенами; по-

том малоазийским грекам пришлось вести тяжелые войны, но для того ли, чтоб расширять пределы греческой колонизации? Нет, лишь для того, чтоб отбиваться от нашествия туземцев завоевателей, основавших довольно крупные государства через покорение мелких племен. Оборонительные войны — нечто совсем иное, чем завоевания; они — факты совершенно противоположного характера.

Пришли, наконец, из глубины Азии персы и покорили малоазийских греков, но нуждались в их услугах по многим техническим делам; благодаря тому они пользовались благосклонностью персидского правительства и расширяли свою торговлю; потом, кроме греческих художников и врачей, персам понадобились греческие наемники. И что мы видим перед началом нашествия Александра на Персию? Греческий полководец — лицо более важное в персидском царстве, чем ближайшие родственники царя: они просили царя дать прощение другому мятежному родственнику; это осталось напрасно; попросил за него грек — и царь простил его. Ясно, что управление персидским государством начинало подчиняться греческому влиянию. Персидские полководцы не согласились принять план войны, предложенный греческим товарищем их, и потерпели поражение; персидский царь отдает всю западную половину государства под управление этого грека, и он дает войне такой оборот, что Александру со всем своим войском погибнет, если не поспешит переправиться через Геллеспонт домой в Европу, пока еще может. Смерть грека, главнокомандующего персидских войск и правителя западной половины персидского царства, спасает Александра. Персидские полководцы не умеют вести войны и, к довершению бед, сам Дарий Кодоман вмешивается в управление военными действиями. Александр побеждает в двух великих битвах; победы блистательны, но достаются тяжело. Кто же те враги, которых тяжело победить? Это греки, поступившие на службу к персидскому царю. Не ясно ли, что и без походов Александра греки захватывали фактическое преобладание в персидском царстве! Говорят, он распространил влияние греческой цивилизации на земли этого царства. Мы видели, что через полтора столетия оно оказалось мало распространившимся за прежние пределы, и можно поставить вопрос: не помешал ли Александр его распространению, раздражив национальные чувства персов и других народов персидского царства? Само собою разумеется, что на вопросы подобного рода нельзя находить достоверных ответов. Но ученые, выставляющие решенными вопросы противоположного значения, принуждают говорить: то ли было, что утверждаете вы, — посмотрим, не более ли вероятно, что факты имели значение прямо противоположное тому, какое вы придали им. Какой ход имели бы дела, если бы не умер Мемнон Родосский и если бы, как это очень вероятно, Александр был бы или взят в плен, или прогнан домой с ничтожным остатком войска! Правда, мы не сможем найти, что было бы в этом случае; но когда нельзя сказать, какие последствия имело бы предотвращение завоевания, то нельзя говорить, что это завоевание было полезно распространению греческой цивилизации. Мы видим, что со времени Дария Гистаспа влияние греков на управление персидским царством росло до самого разрушения этого царства Александром. Через двести лет после Александра мы видим, что греческая цивилизация осталась только в некоторых городах Сирии за теми границами, до каких уже расширилось греческое население раньше Александра.

Необходимо ли владычество более цивилизованного народа над менее цивилизованным для того, чтобы менее цивилизованный усвоил себе те знания и обычаи, которыми возвышается над ним более цивилизованный? Теперь говорят, что завоевания парфян были проявлением реакции национального чувства персов против греческого владычества; говорят, что население Мидии и собственной Персии принимало парфян, как освободителей.

Так ли или нет, мудроно решить. Но, во всяком случае, парфяне были врагами греческих правителей и войск в землях, на которые нападали. Они успели завоевать области царства Селевкидов до пустыни между средним течением Тигра и Евфрата. Через полтораста или двести лет после того, как они перерезали и прогнали греков из своего расширявшегося царства, пошел на них Красс, погиб с большей частью войска; голову его отрезал парфянский главнокомандующий и послал своему царю. Когда гонец подъехал к царскому дворцу, там было развлечение. Царь и двор сидели в театре, шла трагедия. Актер, игравший одну из ролей, взял голову Красса, вышел на сцену, показал голову царю и публике, произнес стихи своей роли, совершенно соответствующие этому показыванию: «Вот, я несю отрубленную голову» и т. д. в этом смысле. Благодаря занимательности анекдота, он был записан и дошел до нас. А благодаря тому, мы знаем, что парфянский царь и его двор слушали греческую трагедию на греческом языке. Что ж, в качестве греческих подданных научились они греческому языку, и насильно гоняли их греки в театр, чтоб они полюбили бывать в нем? Перейдем из парфянского царства в Мекленбург. В X веке там жили славяне; в XV веке все население Мекленбурга говорило по-немецки; была когда-нибудь в этот промежуток времени хоть какая-нибудь часть Мекленбурга под немецкой властью. Часть была, но не долго. На остальном пространстве непрерывно сохраняла владычество славянская династия; под него возвратился и Шверин, попадавший на несколько времени под немецкую власть. Пусть в это время был введен в Шверине насильем немецкий язык. Но каким образом заменился им славянский в остальном Мекленбурге! История Силезии не оставляет места никакому насилью при замене славянского языка немецким. Славянские династии продолжали владычествовать над всеми частями Силезии, когда славянское население Силезии уже говорило вместо прежнего своего языка немецким. Словаки издавна жаловались на то, что венгры угнетают их национальность, принуждают их говорить по-венгерски. Когда начались порядочные этнографические исследования, в северной части венгерского государства оказалось, что многие селения по границе словацкой и венгерской народностей, говорившие на памяти старожилков по-венгерски, стали словацкими. При следующих переписях оказывалось, что это превращение венгерской окраины в словацкую землю подвигается дальше и дальше. Так ли или нет, разобрать мудроно. По всей вероятности, жалобы венгров на расширение словацкой национальности так же преувеличены, как и жалобы словаков на венгерские притеснения. Но во всяком случае видно, что словацкая национальность не сжимается на счет венгерской. В южном Тироле граница итальянского языка подвигается к северу, захватывая селения, говорившие прежде по-немецки, это уже факт. Тирольские итальянцы живут под владычеством немцев. В своих жалобах на утрату северной окраины своей национальности венгры сами объясняют, каким образом идет дело: словаки трудолюбивы. Когда продается участок земли в пограничном венгерском селении, часто бывает, что его покупает словак, имея больше денег, чем венгерские домохозяева этого селения. Через несколько времени большинство домов оказывается во владении словаков; венгерское меньшинство привыкает говорить на языке большинства. То же самое рассказывают тирольские немцы, жалуясь на то, что итальянцы оттесняют их язык к северу. Таких примеров можно набрать сотни и тысячи.

Для того, чтобы границы народности расширялись, нет необходимости в завоеваниях.

Но каким же образом мелкие государства соединятся в большое без завоевания всех каким-нибудь одним? У герцога аквитанского была дочь; она вышла за короля французского. В какие отношения стали ее владения

к французскому королевству? Через несколько времени король французский развелся с нею, и Аквитания снова отделилась от французского королевства. Но не всегда же мужья разводятся с богатыми женами. Короли кастильские вели много войн с арагонскими, желая присоединить их государство к своему. Что выходило из этого? Ничего, кроме опустошения арагонских земель, а часто и кастильских, пограничных с арагонскими. Каким же образом соединились, наконец, Кастилия с Арагонией? Наследник арагонского королевства женился на наследнице кастильского. Несколько столетий английские короли ходили в Шотландию, чтобы покорить ее, а шотландцы, отчасти в отмщение, отчасти просто по желанию грабить, опустошали северную Англию. Но в промежутки войн английские и шотландские короли рождались между собою, и дело, которого невозможно было совершить вековыми войнами, завершилось тем, что шотландский король получил английскую корону по праву законного наследника, приглашаемого самими англичанами вступить в управление их государством.

Вопрос о том, как формируются обширные и прочные государства, очень запутан, потому требует подробного анализа, которому не место здесь. Теперь мы сделаем только краткое изложение общего хода фактов. При начале наших сведений о народах, игравших важную роль в истории западной половины Азии и южной Европы, мы видим, что они уже многолюдные народы, занимающие каждый большое пространство. Не будем разбирать предположений, как это произошло, ограничимся пересмотром достоверных фактов позднейшего времени. С каких-то, очень давних, времен племена персидского народа, говорящие или совершенно одним языком, или наречиями его, мало отличающимися одно от другого, составляют или единственное, или почти единственное население Бактрии, Мидии и собственно так называемой Персии. Теперь, через 2 500 или 3 000 лет более ли широки границы персидского языка? Если нет, то какую же пользу расширению персидской народности принесли завоевания Кира и его преемников? В древнейшие времена, о каких мы имеем предания, восточная граница семитических народов была та же самая, как теперь; и на север они не расширились дальше первоначального положения своей границы. Но на западе они проникли очень далеко. Египет стал арабской страной; по всей Африке на севере от Сахары арабы недавно были господствующим народом и теперь образуют значительную часть населения. Это — результат завоевания. Но какую пользу принес он развитию человечества? Египет по завоевании арабами никогда не подымался на ту высоту цивилизации, на какой стоял до них; цивилизация, какая уцелела в той части северного приморья, которая не была завоевана вандалами или восстановилась по возвращении опустошенной ими части приморья...